

Тарас Шевченко. Его жизнь и литературная деятельность

Автор:

Валентин Яковенко

Тарас Шевченко. Его жизнь и литературная деятельность

Валентин Иванович Яковенко

Жизнь замечательных людей

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии `Жизнь замечательных людей`, осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют свою ценность и по сей день. Писавшиеся `для простых людей`, для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только bibliофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

В. И. Яковенко

Тарас Шевченко. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк В. И. Яковенко.

С портретом Т. Г. Шевченко, гравированным в Петербурге К. Адтом.

ОТ АВТОРА

Сколь ни многочисленными кажутся материалы, собранные для биографии Шевченко, но при общей обработке их получаются большие пробелы. Целые периоды жизни поэта остаются иногда весьма слабо выясненными, а наряду с этим встречаются отдельные заметки, целые страницы, посвященные самым незначительным эпизодам. Материалы эти за немногими исключениями носят очевидно случайный характер. Никто не позаботился в свое время собрать все необходимое по заранее обдуманному плану. Конечно, вина падает преимущественно на ближайших друзей Шевченко. Но, увы, многие из них еще при жизни поэта, в годину тяжелых испытаний, выпавших на его долю, показали, какие они друзья... А нашлись и такие, которые уже после смерти его резко повернули свой фронт. Таким образом, одних не стало, другие изменили... И жизнь человека, о котором еще критик шестидесятых годов сказал, что рассказы о судьбе таких людей должны получать самую широкую известность, не может быть обрисована с надлежащей полнотой. Тем затруднительнее было положение автора настоящего биографического очерка. Всякий сжатый очерк, имеющий в виду характернейшие моменты в жизни человека, опирается обыкновенно на обстоятельное и детальное исследование, в котором только и возможна критическая оценка разнородного, случайного материала. Но по отношению к Шевченко, повторяю, такого именно исследования мы и не имеем до сих пор. Кроме того, мы наталкивались еще и на затруднения иного рода, едва ли, впрочем, интересные для скромного читателя. Ввиду всего этого автор не может всецело взять на себя ответственность за неполное или недостаточное освещение различных сторон жизни и деятельности нашего народного поэта. Мне остается еще заметить, что в большинстве случаев малорусские цитаты переведены на общелитературный язык, за исключением отрывков из стихотворений Шевченко и еще некоторых выдержек.

Вот главные источники, которыми автор пользовался при составлении предлагаемой биографии:

1. Т. Г. Шевченко. Автобиография (написана для журнала "Народное чтение").
2. Т. Г. Шевченко. Дневник за 1857-1859 годы.
3. Т. Г. Шевченко. Письма (напечатанные) к Залескому, М. Лазаревскому, Я. Кухаренко, М. Щепкину, С. Артемовскому, А. Казачковскому, Н. Осипову, Г. Тарновскому, С. Сираковскому, Маркевичу, П. Кулишу, Репниной, В. Шевченко и др.

4. Т. Г. Шевченко. Кобзарь.
5. Т. Г. Шевченко. Поэмы, повести и рассказы, писанные на русском языке.
6. Воспоминания о Т. Г. Шевченко А. Чужбинского, Н. Костомарова, С. Тургенева, М. Микешина, Н. Усковой и др.
7. Доклад шефа жандармов Орлова.- "Русский архив", 1892.
8. Н. Д. Н. На Сырдарье у ротного командира.
9. Н. Стороженко. Первые четыре года ссылки Шевченко.
10. Е. Гаршин. Шевченко в ссылке.
11. А. Родзевич. Тарас Шевченко в Закаспийском крае.
12. А. Лазаревский. Материалы для биографии Т. Г. Шевченко.
13. М. Чалый. Жизнь и произведения Тараса Шевченко.
14. Пискунов. Шевченко, его жизнь и произведения.
15. Г. Кулябка. Т. Г. Шевченко.
16. В. Маслов. Т. Г. Шевченко. Биографический очерк.
17. Н. Костомаров. Литературное наследие.
18. Н. Петров. Очерки истории украинской литературы XIX столетия.
19. А. Скабичевский. История новейшей русской литературы.
20. Н. Добролюбов. Сочинения. Т. 3.

21. А. Пыпин. Русские сочинения Шевченко. Статья в “Вестнике Европы”.

22. В. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века.

23. Т-ый. Шевченко в отзывах о нем иностранной печати.

24. Разные мелкие заметки, помещенные в “Киевской старине”.

ГЛАВА I. ШЕВЧЕНКО – КРЕПОСТНОЙ (1814–1838)

Это было в самом конце царствования Александра Павловича, а может быть и в первые дни вступления на престол императора Николая I. Событие, о котором я хочу напомнить, происходило в деревне Кириловке Звенигородского уезда. Впрочем, какое же это событие? О нем знали только кириловцы. Это не событие, а обыденная “мелочь жизни” или, скорее, “мелочь смерти”. Так казалось, но не так оно оказалось. В одной бедной, старой, белой хате с потемневшей соломенной крышей и черным дымарем[1 - Дымарь – печная труба, плетневая, камышевая, обмазанная глиною (Словарь В. Даля).] умирал старый Шевченко. Покорно несший свою долю крепостной “хлебороб” так и умер бы не замеченный ни современниками, ни потомством, если бы босоногий мальчуган, тут же всхлипывающий подле смертного одра, не стал знаменитостью. Тогда вспомнили о знаменательных, пророческих словах, сказанных отцом по адресу необыкновенного сына. Умиравший Шевченко оставлял детей круглыми сиротами и притом на руках не любящей их мачехи; нужно было заблаговременно поделить между ними разное добро. И вот, когда очередь дошла до сына Тараса, он сказал: “Сыну Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно; он не будет каким-нибудь человеком: из него выйдет или что-нибудь очень хорошее, или большой негодяй; для него мое наследство или ничего не будет значить, или ничем не поможет”. Тарасу было тогда всего лишь 11 лет, но пронзительный глаз отца видел в нем что-то необычайное. Чтобы видеть действительность, чтобы провидеть истинное дарование, нужно было иметь самому не “какой-нибудь” глаз; резкий же переход от “очень хорошего” до “большого негодяя” совершенно естественен в устах человека, прекрасно

понимавшего, до чего может дойти всякий даровитый юноша в положении крепостного. В семье Шевченко была еще одна замечательная личность: столетний дед, современник гайдаматчины, лично знавший главных деятелей этой кровавой народной расправы; и у этого деда “слово за словом сміялось, лилось”, а “столитніі очи, як зори, сіяли”, когда он по просьбе Тарасова отца начинал рассказывать про дела минувших дней. Слово “лилось, сміялось”, а собравшиеся в хате соседи немели от страха и жалости; “и мени, малому (говорит про себя Тарас), не раз довелось за тытаря плакать; и нихто не бачыв, що мала дытына у куточку плаче”. Дед умер в сороковых годах, 115-ти лет; следовательно, Тарас успел взять у него все, что только тот мог дать, и он в “Гайдамаках” добром поминает своего старого деда:

Спасыби, дидусю, що ты заховав

В голови столитній ту славу казачу:

Я ии онукам теперь розказав.

Об отце кобзаря[2 - Кобзарь – бандурист, скоморох, играющий на кобзе нищий, слепец, поющий думы, былины Украины (Словарь В. Даля).] мы знаем, что он был человек грамотный, любил читать, охотно пересказывал жития святых и разных подвижников благочестия: для своей среды это был довольно начитанный человек. Но, к сожалению, этим ограничиваются все наши сведения о двух личностях, в которых, по-видимому, уже мерцало великое дарование Тараса. Ведь и украинский кобзарь делал, собственно, то же, что и его дед: слово у него также “лилось и сміалось”, только аудитория, слушавшая его, была уже неизмеримо более обширная... Сам поэт не оставил воспоминаний об отце и деде; а первые собиратели материалов для его биографии не потрудились тотчас же выяснить все о тех семейных условиях и тех личностях, которые окружали поэта с колыбели. Впоследствии было уже невозможно восстановить то, о чем все позабыли. Матери Тарас лишился еще раньше, чем отца; этим обстоятельством, вероятно, и объясняется тот странный на первый взгляд факт, что о ней сам поэт нигде не вспоминает, даже в своих явно субъективных повестях и стихотворениях, хотя он и питал, как увидим в своем месте, большую привязанность к своим родным. Собиратели же материалов совсем умалчивают о его матери. По наблюдениям врача Талько-Грынцевича в роду Шевченко выделяются два особых антропологических типа. “Один из них представляет смуглое лицо, темные глаза и волосы, небольшой рост и крепкое телосложение; у другого, напротив, тело белое, волосы темно-русые, но глаза ясно-голубые, рост высокий, телосложение более умеренное”. “По собранным мною

сведениям, – продолжает г-н Талько-Грынцевич, – а во многом я мог убедиться лично, в роде Шевченко явно выступает наследственность с невропатическими влияниями: случаи мозговых болезней в детстве, у значительного числа членов семейства болезнь рефракции, дальновзоркость с расходящимся косоглазием, значительное расстройство, при плохом питании, хрусталика к образованию его помутнения в раннем детстве”. Эти замечания врача относятся, собственно, к последующим поколениям, но глазами, например, страдала уже одна из сестер Тараса; неустойчивость нервной системы наблюдается до известной степени и у самого поэта. Вообще же Шевченко был человеком плотным, среднего роста, крепкого, почти железного здоровья.

Родители Шевченко как крепостные крестьяне принадлежали помещику Энгельгардту; этим положением определялась, конечно, и вся будущая судьба их детей. Человек, рожденный крепостным, мог быть живописцем, музыкантом, поэтом, мог быть кем угодно, но тем не менее он оставался крепостным своего господина; и чем даровитее он был, тем горше, невыносимее оказывалась его жизнь. Чтобы выбиться из такого положения, нужно было обладать не только недюжинными дарованиями, но и железной силой воли и еще, как говорится, родиться в сорочке, то есть нужны были особенно благоприятные обстоятельства. Правда, один из родственников поэта и близкий к нему человек, Варфоломей Шевченко, выкупился на волю еще в молодости, но при этом ему пришлось продать все свое имущество дочиста и остаться “убогим, как Лазарь”; как человек даровитый он выбрался и из этой второй беды – нищеты – и по своему уму и развитию значительно возвысился над рядовым крестьянством. Григорий же Шевченко, отец поэта, оставил своим детям очень жалкое имущество; материальных средств для выкупа у них не было ровно никаких, и только у одного Тараса душа горела тем особенным огнем, который должен был или вырваться на волю, или натворить великих бед в неволе.

Итак, положение крепостных – вот что, по-видимому, сулила судьба всем членам семьи Григория Шевченко. Самое большее – он мог еще обучить своих детей грамоте и ремеслам; сам он занимался колодейством (колесничеством), а дед был швецом (сапожником), откуда и произошла фамилия Шевченко. Честный отец исполнил свой долг, и, тем не менее, будущая жизнь детей вырисовывалась в очень сумрачных красках. Но едва ли дети заглядывали далеко в будущее. Первым ударом, сделавшим их детскую жизнь невыносимо тяжелой, была смерть родной матери. На руках отца остались дочери Катерина, Ирина, Мария и сыновья Никита, Тарас и Осип, из которых Тарасу, родившемуся в 1814 году, было в ту пору около девяти лет.

Поэт родился в селе Моринцы Звенигородского уезда Киевской губернии, но рос в селе Кирилловке того же уезда, которое и считал всегда своей родиной. Что до появления в доме мачехи жизнь маленького Тараса была довольно красна, об этом свидетельствуют воспоминания поэта в повести “Княгиня”, имеющие несомненно автобиографический характер. Вот в каких светлых красках рисует он картину своего раннего детства:

“...И вот стоит предо мною наша бедная, старая, белая хата с потемневшей соломенной крышею и черным дымарем, а около хаты, на причилку яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки; у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою стоит клуня,[3 - Рига, молотильный сарай (Словарь В. Даля).] окруженная стогами жита, пшеницы и всякого хлеба; а за клунею по косогору пойдет уже сад, да какой сад!.. А за садом левада,[4 - Огороженный или окопанный луг или пастбище; покос; огород (Словарь В. Даля).] за левадою долина, а в долине тихий, едва журчащий ручеек, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами; а в этом ручейке, под нависшими лопухами, купается кубический белокурый мальчуган, а выкупавшись, перебегает он долину и леваду, вбегает в тенистый сад и падает под первую грушею или яблонею и засыпает настоящим невозмутимым сном. Проснувшись, он смотрит на противоположную гору, смотрит, смотрит и спрашивает сам у себя: “А что же там, за горою? Там должны быть железные столбы, что поддерживают небо. А что, если б пойти да посмотреть, как это они его там подпирают? Пойду да посмотрю, ведь это не далеко”. Встал и, не задумавшись, пошел он через долину и леваду, прямо на гору. И вот выходит он за село, прошел царину,[5 - Царина - околица с заорами (запорами. - Ред.), городьба и ворота от скота (Словарь В. Даля).] прошел с полверсты поле; на поле стоит высокая черная могила; он вскарабкался на могилу, чтоб с нее посмотреть, далеко ли еще до тех железных столбов. Стоит мальчуган на могиле и смотрит во все стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село; и там из темных садов выглядывает трехглавая церковь, белым железом крытая, и там тоже выглядывает церковь из темных садов, и тоже белым железом крытая. Мальчуган задумался. Нет, думает он, сегодня поздно, не дойду я до тех железных столбов, а завтра вместе с Катрею. И он, скатившись кубарем с могилы, встал на ноги и пошел, не оглядываясь, в чужое село... На дворе уже смеркало, когда я (потому что кубический белокурый мальчуган был не кто иной, как смиренный автор сего, хотя и не сентиментального, но тем не менее печального рассказа) подошел к нашему перелазу;[6 - Перелаз - место в плетне, заборе, где перелазят, для чего иногда

приделаны примостки (Словарь В. Даля)..] смотрю через перелаз на двор, а там около хаты на темном, зеленом бархатном шпорише все наши сидят себе в кружке и вечеряют; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряет, а стоит себе около дверей, подперши голову рукою, и как будто посматривает, на перелаз. Когда я высунул голову из-за перелаза, то она вскрикнула: “Прійшов, прійшов!” – и, подбежав ко мне, схватила меня на руки, понесла через двор и посадила в кружок вечерять, сказавши: “Сидай вечерять, преблудо!” Повечерявши, сестра повела меня спать и, уложивши в постель, перекрестила, поцеловала и, улыбаясь, назвала меня опять приبلудою...”

Но скоро этому “кубическому мальчику” пришлось оставить мечты о железных столбах, поддерживающих небо, и заботиться больше о том, как бы увернуться от обильно посыпавшихся на него розог. Розга появилась вместе с мачехой. Отец Тараса не мог долго оставаться вдовцом со своей многочисленной семьей, причем самому меньшему ребенку было всего только полтора года; необходимость заставляла его взять в дом хозяйку и притом не быть особенно разборчивым, у женщины, на которой женился вторично Григорий Шевченко, были свои дети; они также вошли в его семью, и между сводными братьями и сестрами завязалась тотчас же глухая борьба. “Не проходило часа без слез и драки между нами, детьми, – вспоминает поэт, – и не проходило часу без ссоры и брани между отцом и мачехой”. Особенно доставалось от последней Тарасу, который “часто тузил ее тщедушного Степанка”. Эти раздоры заронили в его душу неизгладимое чувство озлобления против случайных пришельцев в его родную семью, а также против родного дяди Павла, нередко учинявшего расправу по просьбе мачехи; а с другой стороны, они сблизили гонимых детей; на этой почве выросла, например, глубокая привязанность поэта к своей сестре Ирине да и вообще ко всем сестрам и братьям, о которых он заботился до конца дней своих.

Один эпизод кровавой расправы особенно засел в детских головках; его рассказывала эта самая Ирина уже после смерти поэта. Как-то раз у солдата, стоявшего у них на квартире, пропало три золотых. Солдат поднял целую бурю; стали искать деньги. Мачеха, не долго думая, указала на Тараса как на виновника пропажи. Принялись за мальчика. Тот божился и клялся в своей невинности; но мачеха одно твердила: “Деньги украл Тарас”. Предчувствуя, что этим дело не кончится, Тарас убежал и спрятался на заброшенном огороде. Он просидел там четверо суток: устроил себе шалаш в кустах калины, расчистил площадку, усыпал ее песком, развлекался стрельбой из бузиновой пукалки[7 - Пукалка – детская игрушка, ружьё, перышко или трубочка с поршнем, которая

хлопает, стреляя репяною, картофельною пробкою (Словарь В. Даля).] в мишень и так далее. Сестра Ирина носила ему тайком еду и утешала его в одиночестве. На пятый день дети мачехи открыли убежище беглеца. Его схватили и привели на допрос, и на этот раз дознание было ведено уже по всем правилам. Так как виновный не сознавался, его начали пытать, причем главным заправилой и палачом выступил “великий катюга” дядя Павло. Три дня с небольшими перерывами он сѣк мальчика; наконец последний не выдержал и, чтобы прекратить мучения, сказал, что действительно он украл деньги. Тогда его развязали и потребовали, чтобы он указал место, где они спрятаны. Но что мог ответить на этот вопрос ни в чем не повинный мальчик? Пытка и истязание возобновились, но безрезультатно. Бедный Тарас был брошен чуть не замертво. Претензию солдата удовлетворили, продавши юбку покойной матери. И только впоследствии обнаружилось, что деньги украл сын мачехи Степан и спрятал их в дупле старой вербы. Отца, по-видимому, не было дома во время этих истязаний. Едва ли бы он допустил их. По крайней мере, мы видим, что вскоре после этого печального события он отослал Тараса учиться грамоте к мещанину Губскому. Любопытно, что хотя грамота далась мальчику скоро, но он успел перебивать у нескольких учителей и повсюду розги изрядно сыпались на него. Живой и чуткий ребенок не выносил несправедливости и животного обращения, самовольно бросал учителя, а при случае учинял даже над ним расправу и отправлялся искать себе другого.

В этих первых шагах по пути к грамотности сказались уже характерные человеческие особенности будущего украинского кобзаря. Он идет своим собственным путем и не знает никаких проторенных дорожек; ему неведом тот особенный страх, который приковывает человека ко всему рутинному и заставляет содрогаться при одной мысли отступить от завещанного отцами и дедами образа жизни и мысли. Словно какой-то инстинкт подсказывал ему, что каковы бы ни были неудачи и трудности пути, он не должен смущаться и не должен малодушно взваливать всю ответственность на внешние обстоятельства. Действительно, присмотритесь внимательно к первым шагам этого крепостного оборванца и вы убедитесь, что у него была своя путеводная звезда, что его душа бессознательно устремлялась к ней.

Со смертью отца Тарасу, теперь уже круглому сироте, пришлось возвратиться домой; нелюбящая мачеха заставила его пасти телят и свиней. Так прошло время до зимы. Зимой же, дабы сбыть с рук задорного мальчика, его снова отдали в школу к сельскому дьячку Бугорскому. Тут он, вместе с другими учениками, подвергся правильной, регламентированной секуции. “По субботам, – рассказывал поэт, – перед роспуском по домам, всех нас – и правых,

и виноватых – секли, причитывая четвертую заповедь. Обязанность эту исполнял консул, т. е. старший в классе. Я никогда не ходил в отпуск, но когда сделан был консулом, то зажил отлично: все мне приносили из дому гостинцы, чтобы не больно сек, и скоро я обратился в страшного взяточника. Кто приносил мне довольно, тому давал не более одной или двух легких розог, в течение которых успевал скороговоркой прочитывать обычную заповедь; но кто приносил мало или ничего не приносил, над тем я с чувством и расстановкой произносил: “Помни... день... субботний... и т. д.”. В повести “Княгиня”, вспоминая об этих же секуциях, Шевченко говорит: “Ну, это бы еще ничего, пускай бы себе кормил, нам эта каша была в обыкновение; а то вот где, можно сказать, истинное испытание: бьет, бывало, а самому лежать велит, да не кричать и, не борзяся, явственно самому читать четвертую заповедь... Бывало, когда дойдет до меня очередь, то я уже не прошу о помиловании, а прошу только, чтобы он умилосердился надо мною, велел меня, субботы ради святой, придержать хоть немножко...” У этого жестокого дьячка Тарас закончил свое образование, выучил часловец и Псалтырь, а священник научил его писать. Тогда он остался при школе в качестве “школяра-попыхача”. Нередко ему со своим учителем приходилось голодать по несколько дней кряду; только одни покойники выручали; если же таковых долго не оказывалось, то они брали “торбу” и “сосуд скудельный” (“мы и жидкостями не пренебрегали, как то: грушевым квасом и проч.”) и отправлялись под окна воспевать “Богом избранную”. Все заработанное чтением Псалтыря над покойниками поступало в пользу дьячка, и тот уже от щедрот своих уделял Тарасу пятак-другой на бублики. “Ходил я, – вспоминает он в “Княгине”, – постоянно в серенькой дырявой свитке[8 - Свитка – широкая, долгая запашная одежда без перехвата (Словарь В.Даля).]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дымарь – печная труба, плетневая, камышевая, обмазанная глиною (Словарь В. Даля).

2

Кобзарь – бандурист, скоморох, играющий на кобзе нищий, слепец, поющий думы, былины Украины (Словарь В. Даля).

3

Рига, молотильный сарай (Словарь В. Даля).

4

Огороженный или окопанный луг или пастбище; покос; огород (Словарь В. Даля).

5

Царина – околица с заорами (запорами. – Ред.), городьба и ворота от скота (Словарь В. Даля).

6

Перелаз – место в плетне, заборе, где перелазят, для чего иногда приделаны примостки (Словарь В. Даля)..

7

Пукалка – детская игрушка, ружьё, перышко или трубочка с поршнем, которая хлопает, стреляя репяною, картофельною пробкою (Словарь В. Даля).

8

Свитка – широкая, долгая запашная одежда без перехвата (Словарь В.Даля).

Купить: https://tellnovel.me/yakovenko_valentin/taras-shevchenko-ego-zhizn-i-literaturnaya-deyatel-nost

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)